Маринка

РАССКАЗ

НИКОЛАЙ ИЛЬБЕК,
народный писатель Чувашии

Наше отделение поставили на охрану моста через речушку. Мы должны были уйти последними, прикрыв отступающие войска.

Мы стояли у моста и смотрели на проходящих усталых солдат, отощавших лошадей. Движение не прекращалось ни днем, ни ночью.

Вскоре вражеские летчики обнаружили мост. Бомбардировщики шли низко. Мы залегли в кювет. Дорога и мост опустели. От разрывов ходуном ходила земля. Над головой словно лопались огромные воздушные шары. Потом все стихло. Я поднял голову. На месте моста зиял черный провал. Самолеты ушли.

У обочины дороги сидел Иван Авдеев и смачно ругался. Его ранило в ногу, кровь расплывалась по галифе бурым пятном.

Я бросился к нему. Но меня опередила невесть откуда вынырнувшая девушка. Она мягко отодвинула меня, разорвала галифе, обнажав рану, вытащила осколок, затем наложила жгут, перевязала рану.

— Еще не на одной свадьбе попляшешь,— успокоила она Ивана.

— Пойдешь за меня — спляшу и без ног,— буркнул Иван и, поморщившись от боли, кивнул на меня:— Если Ерофеев сосватает.

— Вставайте, жених,— распорядилась девушка.— А вы, сват, помогите отвести его в дом.

Она повела нас в небольшой каменный домишко, стоявший недалеко от моста. В домике была печь, стол, лавка и за ситцевой занавеской кровать с горкой подушек. Из-за занавески девушка принесла табурет, усадила на него Ивана, сняла бинт и обработала рану йодом.

Мы, все одиннадцать, широко раскрытыми глазами смотрели на то, как она орудует бинтом, на ее ладную шуструю фигурку, на волосы, уложенные венцом вокруг головы.

Девушка кончила перевязку, выпрямилась и, заметив, что мы смотрим на нее, спросила дрогнувшим от смущения голосом:

— Чего вы?

— Да так,— сказал я.— Не обращайте внимания. Просто мы давно дома не были.

— Вам надо уходить,— сказала она тихо, покраснев.— Немцы близко.

— А ты?— спросил Иван.

— Я здесь останусь,— сказала девушка.— Я вас дождусь. Вы только возвращайтесь поскорее.

— Звать-то тебя как?— спросил Иван.

— Маринка...

— Подари нам на память, Маринка, фотографию.

Она посмотрела на нас, ушла за занавеску. Принесла фотографию, какие делали в районных ателье.

Иван спрятал снимок в карман гимнастерки, и мы ушли. Мы ушли на восток, за нами по пятам, дыша железом и смертью, шел враг.

Дорога выпала трудная. Мы врезались топорами и лопатами в каменистую землю, спали сидя, хоронили убитых и шли в атаки. Мы были благодарны земле за то, что она укрывала нас от бомб, мин и снарядов. И метр за метром отвоевывали эту землю.

Дни казались годами, год был вечностью.

Мы шли вперед по тем же дорогам, по которым отступали. От отделения, которое стояло на охране моста в Беловодске, осталась половина. Остальные были из пополнения. И когда мы на рассвете взяли Беловодск, Иван Авдеев, командир отделения, повел нас к домику у моста, где ему два года назад сделали перевязку.

Мы шли в дубленых полушубках и шапках-ушанках, румяные от мороза, шли как работники, хорошо сделавшие часть большой работы, и чувствовали себя хозяевами в городе, который только что отбили.

У ворот стояла та самая девушка, Марина, и смотрела, как по улице проходят наши танки, как по наведенному недавно понтонному мосту они уходят за реку и, подминая под себя снег, несутся по полю, туда — за противником. Лицо девушки изменилось. Нужда и тревоги наложили на него тени. Но глаза были такие же строгие, внимательные и застенчивые.

Иван Авдеев подошел к воротам и, улыбаясь во все красное от мороза лицо, шутливо бахнул:

— Разрешите доложить, товарищ Маринка!

Девушка недоуменно посмотрела на него, не узнавая скользнула взглядом по нашим лицам и растерянно улыбнулась. Да, нас трудно было узнать. Тогда мы были усталые и грязные, полные боли и стыда за поражение в первые недели войны, лица у нас были почерневшие от копоти.

От волнения мне показалось, что танки, идущие мимо, замолкли, словно у них выключили моторы.

Иван стоял, широко расставив ноги. Лицо его побелело. Он толстыми негнущимися пальцами выудил из-за полушубка маленькую фотографию.

— Так это вы?— ахнула Марина. —Вот, батюшки, и не чаяла встретиться!

— Мы самые,— глухо промолвил Иван.

Он стоял и вертел фотокарточку, не зная куда ее сунуть.

— А где же... сват?— спросила Маринка.

— Так вот же он,— сказал Иван и толкнул меня плечом. Я почувствовал, как мое лицо заливает краска.

— Милости прошу в дом,— вдруг задорно, нараспев сказала Маринка, как испокон веков встречают на Руси гостей.

Мы вошли в дом и сразу заняли все его маленькое пространство. У нас в вещмешках были консервы, хлеб, сало, сахар, и мы выложили все это богатство на стол. Мать Маринки, старая женщина с такими же карими, как у дочери глазами, побежала за лавкой к соседям, потому что нас было одиннадцать здоровых парней.

Маринка сварила картошку, поставила самовар. Дымящиеся картофелины она выложила в самую большую миску, какая нашлась в доме, и по комнате поплыл живой, как воспоминание, аромат. Мы разлили в жестяные кружки спирт, но прежде, чем чокнуться, Иван, с трудом справляясь с волнением, спросил у Маринки:

— Как вы тут при фрицах жили?..

Нависло молчание.

— Я тут не жила,— резко отчеканила Маринка.—Я была в партизанском отряде.

И мы чокнулись, выпили спирт и оживились. Напряжение ушло, мы были большой дружной семьей, бригадой, которая, выполнив дневное задание, села к столу.

Все мы были равны за этим столом. Только я понимал, чувствовал, что Иван почти хозяин в этом доме. И правда, он становился все увереннее, плечи его расправились, в них появилась хозяйская осанка. Он был молчаливее остальных и смотрел на Маринку так, словно между ними давно уже было все решено, а этот наш приход — вроде сватовства, которое нужно не для них с Маринкой, а скорее для людей.

И тут я, сам не понимая, что мелю, с удивлением услышал свой собственный голос, который показался мне каким-то предательски залихватским:

— Раз я сват,— сказал я,— значит, мне и надо приступать к исполнению своих обязанностей.

Все обернулись ко мне и смотрели мне в рот. Я опомнился, но было уже поздно.

— Валяй дальше, Ерофеев,— подбодрил кто-то весело.

Я встал, разлил остатки спирта, поднял кружку и, пересиливая себя, посмотрел на Маринку. Прежде чем я успел раскрыть рот, она отрезала:

— Это надо отложить до победы.

— Верно,— облегченно сказал Иван.— Тогда, может, и сватов не понадобится.

И я сел, так и не произнеся речи. И мы выпили спирт, доели картошку и закурили. Я мысленно ругал себя, что поторопился и забыл наставление стариков. «Если дождался варева, подожди, пока его поставят на стол». Но тут кто-то, словно желая подкинуть уголька, спросил:

— А как же с подарками?

— Чего мелешь?— буркнул Авдеев.

— Ну, с этими, свадебными...

— Отставить шуточки,— приказал Иван холодным тоном. Теперь он был не просто товарищ, а командир.

В домике воцарилось напряженное молчание. Но Маринка легко и просто сняла возникшую неловкость:

— Подарки — это дело. Возьмете Берлин — тогда и пришлете. И я буду знать, что вы остались живы, дошли до победы.

Потом мы ушли, оставив Марине адрес своей полевой почты.

И пока мы шли, Иван все эти годы писал в Беловодск письма, и оттуда приходили аккуратные конверты. Хотя на конверте стояло имя Ивана, письма были адресованы всем. И мы читали их сначала все вместе, вслух, а потом поочередно каждый про себя.

Война есть война. Из тех одиннадцати, которые были в тот день у Маринки нас оставалось все меньше. Но мы продолжали приписывать и имена убитых, словно они были живыми.

Ивана Авдеева убило восьмого мая, в самом Берлине. А на другой день была Победа, и мы пошли искать модельные туфли. Найти их было чертовски трудно, но мы все же раздобыли одиннадцать пар и запаковали их в посылку. С письмом было сложнее, потому что письма всегда писал Иван и по почерку Марина догадалась бы, что произошло. Но потом мы нашли выход из положения: послали телеграмму, подписав ее всеми фамилиями — и живых, и мертвых.

Перевел Владимир Мурашковский

Алексей ВОРОБЬЕВ
лауреат премии комсомола Чувашии имени М. Сеспеля

ЛИЧНЫЙ ПАЙ

Солнце село за скирдой.
Затихает молотьба.
Цеп, качая головой,
Вытирает пот со лба.
И снопы на всем посаде
Ловят вздохи ветерка
И шуршат соломой, гладя
Воспаленные бока.

За столом сидит народ.
Я хватаю впопыхах
Разрисованную ложку,